

ЕВА ЭШВУД

Порочная

КЛЯТВА

Freedom

МОСКВА

2025

ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ

ПРЕКРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Запутанная игра
Прекрасные дьяволы
Порочная клятва

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЕВА ЭШВУД

Порочная

КЛЯТВА

Freedom

МОСКВА

2025

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э98

Eva Ashwood

CORRUPT VOW

Copyright © 2022 by Eva Ashwood

Художественное оформление *Анастасии Яковенко*

Эшвуд, Ева.

Э98 Порочная клятва / Ева Эшвуд ; [перевод с английского Ю. Серegiной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Freedom. Прекрасные дьяволы. Темные романы Евы Эшвуд).

ISBN 978-5-04-214782-1

ОНИ ОТКРЫЛИ ДЛЯ МЕНЯ НОВЫЙ МИР.
МИР, КОТОРЫЙ МНЕ ПРИДЕТСЯ ПОКИНУТЬ.

Братья Воронины вернули мое доверие и показали мне, каково это — быть любимой. Теперь, после всех испытаний, через которые нам пришлось пройти, мы неразрывно связаны и я готова на все, чтобы защитить их... даже если мне придется уйти. Как бы я ни пыталась это отрицать, я влюблена в них. Мэлис, Виктор и Рэнсом — каждый из трех братьев владеет частичкой моего сердца. Мысль о том, что таинственный Икс причинит им боль, по-настоящему невыносима. Чтобы обезопасить их, я готова спуститься даже в ад. Ради них я доверю свою жизнь загадочным незнакомцам: мужчине, который испытывает ко мне болезненное влечение, и женщине, для которой я — лишь инструмент. Когда-то мне казалось, что братья Воронины — монстры. Что ж... Теперь я понимаю, что с настоящими монстрами мне еще предстоит столкнуться.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-214782-1

© Серegiна Ю., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Посвящается злодеям, грехи которых не искупила любимая женщина... но которые с радостью сожгли бы весь мир ради нее.

Ушицу

— Я сделаю это, — говорю я бабушке дрожащим голосом. — Я выйду за кого хочешь.

Эти слова будто навечно повисают в воздухе, заполняя собой все пространство между нами. Между *всеми* нами. Я чувствую, как братья Воронины реагируют у меня за спиной, словно их эмоции — это физическая сила, от них буквально фонит гневом и недоверием. Я знаю, они по-прежнему хотят встать между мной и Оливией, помешать ей заставить меня сделать это, но я им не позволю.

Ведь несмотря на все их попытки, это не сработает. Сейчас все козыри на руках у моей бабушки.

Когда я смотрю ей в глаза, к горлу подкатывает желчь. За те недели, что прошли с тех пор, как мы встретились, я начала узнавать ее лучше, начала понимать ее. По крайней мере, мне так казалось. У нее карие глаза, не такие, как у меня, но я заметила в их форме нечто такое, что всегда напоминало мне мои собственные. Это глаза единственного оставшегося у меня живого родственника... но с тем же успехом они могли бы принадлежать абсолютной незнакомке.

Несмотря на свою внешность, Оливия Стэнтон — жестокая и расчетливая женщина, готовая шантажом заставить меня выйти замуж, лишь бы восстановить свою империю. Она использует меня как пешку в игре, которую намерена выиграть. До сегодняшнего дня я бы никогда не подумала, что моя бабушка способна на что-то подобное, но, полагаю, это лишь доказывает, как искусно она меня провела.

Миниатюрная старушка улыбается, выглядя довольной, как будто прочитала мои мысли и знает, что я понимаю серьезность ее угрозы.

— Прекрасно, — говорит она. — Это правильный ответ, Уиллоу. Ты делаешь верный выбор. Ведь если бы ты попыталась пойти против меня, то ничего хорошего из этого не вышло бы. Ни для тебя, ни для твоих парнишек.

— Ты...

Мэлис злобно выплевывает из себя это слово, явно подразумевая дальнейшие ругательства, а затем вместе с братьями делает шаг вперед. Сейчас их гнев еще более очевиден, и я знаю, что они, наверное, ненавидят это так же сильно, как и я, — быть под чужим контролем, не иметь власти над собственной судьбой.

Поначалу Оливия реагирует лишь поднятием руки. Она останавливает их, ее взгляд холоден, спина прямая.

— Мне напомнить тебе о твоём положении, Мэлис? — спрашивает она. Ее тон приятен, но в нем слышатся стальные нотки. — Мой муж вытащил тебя из тюрьмы, сыграл роль Икса. Ты бы просидел там еще много лет, если бы он не вмешался. И я могла бы отправить тебя обратно одним щелчком пальцев. Интересно, выживешь ли ты на этот раз? Или твои

братья? — она переводит взгляд на Рэнсома и Виктора. — Они столько всего незаконного совершили по отношению ко мне и моему мужу. Доказательств, вероятно, хватило бы, чтобы упрятать их за решетку на *очень* долгий срок.

Мое сердце сжимается от одной только ее угрозы. Я даже не хочу себе этого представлять.

Сначала я боялась этой троицы, а потом разозлилась на них за то, что они помыкали мной и, казалось, хотели контролировать мою жизнь. Но, несмотря на непростой старт наших отношений, я привязалась к ним, так сильно, так глубоко, что это просто ошеломляет.

Так сильно, что понимаю — я не могу допустить, чтобы с ними что-то случилось. Особенно если они попадут в тюрьму. Не тогда, когда я знаю, каким ужасным было пребывание там для Мэлиса и как тяжело было бы Рэнсому и Виктору оказаться в подобном месте.

Они не раз спасали мне жизнь.

Приходили на помощь, когда никто другой не стал бы.

Теперь моя очередь спасать их, и я полна решимости довести дело до конца.

Я протягиваю руки, отталкивая их.

— Не надо, — говорю я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на каждого из них по очереди. — Пожалуйста. Не рискуйте.

Парни ощетиняются, выражение их лиц становится жестче от гнева. Мэлис почти трясется, как будто напряжение внутри него может вырваться наружу в любой момент. Но они остаются на месте, и когда я немного уверяюсь, что они не собираются нападать, то снова перевожу пристальный взгляд на Оливию.

— Я уже согласилась сделать то, что ты хочешь, — огрызаюсь я. — Я понимаю, что поставлено на карту. Оставь их в покое.

Оливия прищуривается, переводя взгляд с меня на братьев. Выражение ее лица расчетливое, словно она пытается оценить, насколько ситуация напряженная. Возможно, хочет понять, как далеко может зайти, или просто убедиться, что мы и правда понимаем, какую угрозу она собой представляет.

— Хорошо, — наконец говорит она, снова улыбаясь уголками губ так, что возле глаз возникают морщинки. Раньше я думала, что такая улыбка придает ей какой-то доброты, но теперь она лишь делает ее похожей на дьяволицу в дизайнерском платье. — Я верю, ты понимаешь, что поставлено на карту. Этого достаточно.

Взгляд бабушки опускается на могилу, возле которой мы все еще стоим, и я цепенею, когда прослеживаю за ее взглядом.

Могилы Мисти. Причина, по которой мы все здесь собрались.

Менее получаса назад я была сосредоточена на похоронах своей приемной матери. Трудно поверить, что с тех пор все так сильно изменилось. Все пошло наперекосяк, весь мой мир повернулся вокруг своей оси. Все, что, как мне казалось, я знала, на что могла положиться, было выбито у меня из-под ног, и я по-прежнему ощущаю себя так, словно изо всех сил пытаюсь восстановить равновесие.

Когда я смотрю на глубокую яму, в которой покоится гроб Мисти, у меня перехватывает горло. Моя приемная мать в лучшем случае была ненадежной, а в худшем — склонной к манипуляциям, но по срав-

нению с моей бабушкой она была в разы более предпочтительным вариантом. А теперь ее нет.

Внутренности будто падают куда-то вниз, когда я осознаю, что думаю о Мисти как о человеке, который относился ко мне лучшим образом, хотя она вообще-то никогда не была хорошей матерью. Она делала самый минимум, и то с натяжкой. На самом деле, в мире есть лишь три человека, которые по-настоящему вступались за меня и защищали.

Мэлис, Рэнсом и Виктор.

Они спасали меня снова и снова, вставали между мной и людьми, которые хотели причинить мне боль, и обещали, что будут оберегать меня.

И по этой самой причине я и должна это сделать.
Защитить их.

Я расправляю плечи, стискиваю челюсти, отрываю взгляд от могилы Мисти и снова смотрю на бабушку.

— Что дальше?

Самодовольный изгиб идеально покрашенных губ Оливии заставляет мою кровь закипать, но мне нельзя реагировать. Я не могу напасть на нее, так же, как и парни не могут, хотя впервые в жизни я испытываю желание совершить насилие.

— Ты пойдешь со мной, — говорит она.

Ребята снова напрягаются, из горла Мэлиса вырывается звук, похожий на рычание, и у меня внутри все сжимается. В начале этих похорон все, чего я хотела, — это вернуться домой вместе с ними и позволить им помочь мне забыть о моем горе. Но теперь этого не произойдет.

Я поворачиваюсь к ним лицом, мои мысли и сердце разрываются от столь многих слов, которые я хотела бы им сказать. Я хотела бы высказать им все, что

накопилось у меня внутри, но на это нет времени. К тому же, я все равно не смогла бы этого сделать, не при Оливии.

Вместо этого я смотрю на всех троих, взгляд задерживается на их лицах, словно я пытаюсь их запомнить. Сжатые челюсти Мэлиса, блеск глаз Рэнсома, напряженность, которая скрывается за выражением лица Виктора. Они смотрят на меня в ответ, и впервые с тех пор, как я их встретила, ребята выглядят такими же потерянными, какой я себя чувствую.

— Со мной все будет в порядке, — тихо говорю я. — Поэтому, пожалуйста, не... не пытайтесь ничего сделать. Она не причинит мне вреда, если я сделаю то, что она хочет. Я нужна ей, так что, пока я подчиняюсь, все будет хорошо.

Мэлис скрежещет зубами, переводя взгляд с моего лица на Оливию, а затем обратно.

— Ты не обязана...

— Нет, обязана, — говорю я ему. — Ты же знаешь.

— Черт, — выдавливает Рэнсом. — Проклятье, как же я это ненавижу.

— И я, — тихо говорит Вик. — Уиллоу...

Он не заканчивает мысль, просто качает головой. Его рука отбивает ритм по бедру, волнение читается в каждой линии его тела. Все трое напряжены и раздражены, и мне кажется, что они вот-вот схватят меня и попытаются убежать.

Я отхожу от них на шаг, просто чтобы убедиться, что этого не произойдет.

— Я не хочу, чтобы ты с ней уходила, — говорит Мэлис напряженным голосом, напоминающим гравий.

— Знаю, — шепчу я, слезы жгут глаза. — Но я должна. Все будет хорошо.

Хорошо. Неважно, сколько раз я произношу это слово, оно не кажется более правдивым. В этой ситуации нет ничего даже отдаленно похожего на «хорошо», и мы все это знаем.

Но я должна заставить их отпустить меня. Ничего из этого не будет иметь значения, если они попытаются вмешаться и в конечном итоге окажутся в тюрьме или где-то еще хуже. Оливия уже показала, что относится к ним как к средству достижения цели или как к рычагу давления на меня. Они для нее такие же пешки, как и я. Но, в отличие от меня, в ее глазах они — просто мусор, который можно выбросить.

Моя грудь словно свинцом налита, но я стараюсь, чтобы на лице не отразилось отчаяние, которое я испытываю. В моем сердце нет ни надежды, ни оптимизма, но я не хочу усугублять ситуацию.

Внезапно в Мэлисе что-то щелкает, и он делает шаг вперед. На одну ужасающую секунду я боюсь, что он оттолкнет меня в сторону и попытается убить Оливию голыми руками. Но вместо этого он сокращает расстояние между нами, кладет ладонь мне на затылок и притягивает к себе, наклоняясь. Сначала я думаю, что он собирается поцеловать меня, и мое сердце подпрыгивает одновременно от желания и от страха. Я не знаю, что сделает Оливия, если он поцелует меня прямо здесь.

Но он просто прижимается своим лбом к моему, на мгновение закрывая глаза, пока его сильные пальцы перебирают мои волосы. Я цепляюсь за его футболку, отчаянно желая зарыться в нее лицом и позволить ему покончить со всем этим.

Но, в конце концов, я отпускаю его.

Рэнсом занимает место Мэлиса, когда тот отступает на шаг, и выглядит он не только рассерженным,

но и убитым горем. Рэн даже не улыбается, просто протягивает руку и заправляет прядь моих светлых волос мне за ухо, следя за движением пальцев, касающихся моей шеи. Я вздрагиваю от этого прикосновения, и он тихо вздыхает. В его сине-зеленых глазах горит боль.

На мгновение кажется, будто он хочет что-то сказать, но потом передумывает и отступает.

Когда Мэлис и Рэнсом становятся бок о бок, я перевожу взгляд на Виктора. Долгое время он не двигается, просто пристально смотрит на меня, словно прирос к месту. Мое сердце бешено колотится, и когда наши взгляды встречаются, в памяти всплывает воспоминание о нашем поцелуе на кухне. Сейчас кажется, что это произошло очень давно, хотя на самом деле прошло совсем немного времени. Вик барабанит пальцами по бедру, отбивая ритм, известный только ему, а затем встряхивает головой, словно выводя себя из оцепенения.

Виктор придвигается ближе, останавливаясь в нескольких дюймах от меня. Затем тяжело сглатывает, протягивая руку, и проводит пальцами по моей щеке легкими, как перышко, движениями. Он едва задерживается, а когда отстраняется, у меня перехватывает дыхание.

Я по пальцам одной руки могу пересчитать, сколько раз он прикасался ко мне, но этот раз... этот раз значит так много.

Я смаргиваю слезы, застилающие глаза, и запечатлеваю в памяти их образ, затем поворачиваюсь к Оливии. Подняв подбородок, я делаю глубокий вдох и, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, говорю:
— Пошли.